

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-8-15

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ЮМОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Абаева Е.С.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация: В представленной статье рассматриваются функции юмора с точки зрения нескольких научных дисциплин, дан анализ научных изысканий по данной проблематике. Автор считает возможным использование обобщающих сведений о функционировании юмора в художественном произведении для качественного предпереводческого анализа. Выделяются и описываются характерные особенности функционирования элементов текста с юмористическим эффектом на примере повести «Чужак» М. Фрая. Делаются выводы относительно качественных и количественных данных анализа.

Ключевые слова: юмор, функция, художественный текст, предпереводческий анализ, перевод.

ON THE ASPECT OF HUMOUR FUNCTIONING IN FICTION IN THE PRE-TRANSLATION TEXT ANALYSIS

E. Abaeva

Moscow City Teacher Training University

2-y Selskokhozyaystvennyy pr-d, 4, Moscow, Russia, 129226

Abstract. The article deals with the functions of humour in terms of several disciplines and presents the analysis of some researches on this subject. The author considers it possible to use summarized data about humour functioning in fiction to carry out the professional pretranslation analysis. The paper marks out some specific conditions of the humour text functioning on the example of «The Stranger» by M. Frei. It also contains the description of the functions, and the conclusions about some qualitative and quantitative data.

Keywords: humour, function, fiction, pretranslation analysis, translation.

© Абаева Е.С., 2016.

Взаимосвязь анализа текста, проводимого в качестве этапа предпереводческой подготовки, то есть понимания сути текста, его внутреннего содержательного наполнения, и собственно процесса перекодировки давно не подвергается сомнению. В данной статье мы хотим обратиться к проблематике юмора – сложнейшему понятию, объединяющему порой явления разной природы, которое представляет большую трудность на всех этапах переводческого процесса.

На наш взгляд, разработка теории юмора с одной стороны, и практическая необходимость перевода элементов с юмористическим эффектом, с другой, являются вопросами, требующими дополнительного, более пристального внимания исследователей, что позволяет классифицировать направление исследования как актуальное. При этом выбранный для работы комплексный подход, при котором функции юмора рассматриваются не только с целью выявления авторского идиостиля, но и с целью дальнейшей разработки действующих моделей перевода, позволяет говорить о новизне.

Вслед за многими исследователями, такими как Виктор Раскин, Сальваторе Аттардо и другие, за основу мы принимаем семантическую теорию юмора, в которой упор делается на существование сталкивающихся в сознании скриптов [7, с. 198].

Материалом проведённого исследования стали 153 отрывка из произведения М. Фрая «Чужак» [6, с. 217-296], найденные методом сплошной выборки. Причём нужно подчеркнуть, что для проведённого исследования виды и типы юмора не подразделялись.

Опираясь на предложенный к рассмотрению материал, мы преследо-

вали несколько целей. Во-первых, современные тексты отражают современные тенденции не только языка, но и культуры. Соответственно, на наш взгляд, обращение к текстам последних лет может позволить получить самые новые и актуальные данные. К тому же произведения Макса Фрая по праву можно считать одними из самых читаемых в современном российском обществе. Причём данный цикл, насколько можно судить по отзывам в сети Интернет, привлекает читателя как раз лёгким юмористическим слогом автора.

Говоря о когнитивных процессах, которые сопровождают процесс перевода, в частности предпереводческий анализ текста, и подразумевая вероятную когнитивную модель, описывающую перевод юмора, не представляется возможным не затронуть такой элемент как функция юмора.

«Интерпретация текста не есть простое сопряжение семантических значений языковых знаков. Интерпретация – это ещё и процесс конкретизации, пополнения, а иногда большего или меньшего переосмысления семантических значений на базе лингвистического и ситуативного контекстов, а также заранее известной интерпретатору информации (преинформации)» [3, с. 84].

В данной работе функции юмора затрагиваются с целью дальнейшего выявления неких общих моментов, позволяющих находить и декодировать элементы текста с юмористическим эффектом не носителям русской лингвокультуры, для того чтобы дать переводчику необходимую ему «преинформацию», тем самым облегчив часть работы по выявлению элементов

текста с заданными параметрами юмористической ситуации.

Лингвистический термин «функция» (от *лат.* *functio* – «деятельность, исполнение») подразумевает либо «роль, выполняемую языковой единицей», либо «назначение (применение, использование) разных сторон языка и его элементов» [4]. То есть, применяя данный термин к области исследования юмора, можно определить его как цель, с которой автор вводит в текст элементы с юмористическим эффектом.

Функционалом юмора занимаются исследователи разных областей научного знания. Так, например, с точки зрения психологии д. мед. н. А.И. Копытин говорит о том, что юмор «служит снятию эмоционального напряжения», позволяет «защитить личные границы» и «подвергнуть осмеянию оппонента», «раскрывает творческий потенциал личности», способен «разблокировать неосознаваемые, вытесненные переживания» и «обуславливать разрядку сексуальной энергии и выражение агрессии», а кроме того, может способствовать «установлению контактов» и «преодолению внутреннего конфликта личности» [2].

С точки зрения педагогической деятельности О.А. Сергеева выделяет такие функции юмора, как информационную, эмоциональную, мотивационную, регулирующую [5].

С точки зрения языковой выделяются такие функции, как эстетическая, социализирующая, коммуникативная, катарсическая, саморегуляционная, эвристическая, творческая, дистанцирования, воспроизведения положительно-го эффекта, маскировочная [1, с. 108].

Нужно отметить, что, несмотря на различие терминологического аппара-

та, содержание функций в большинстве случаев пересекается, что говорит о некоей схожести их внутреннего понимания и позволяет использовать уже полученные выводы для исследования.

Элементы текста с юмористическим эффектом, с одной стороны, помогают автору раскрыть персонаж, описать в той или иной манере происходящее, выразить его или её, авторское, отношение к герою или действительности. С другой – те функции, которые выделяют психологи и педагоги, относятся, скорее, к рамкам поведенческой модели человека и могут быть соотнесены с отношениями герой–герой, или герой–действительность.

Поэтому, разбирая литературный текст, мы анализируем юмор в двух плоскостях. Первая – общение героев между собой, в котором потенциально могут быть реализованы все функции, которые проявляются в повседневном общении людей, живом и естественном, о чём мы поговорим немного позже.

И вторая плоскость: автор – читатель. Так как мы имеем дело с художественной литературой, то, по меньшей мере, **аттрактивная** функция присутствует всегда, вытекая из желания автора, пусть и неосознанного, сделать текст как можно более интересным для потенциального реципиента.

Помимо этого в плоскости «автор – читатель» мы выделяем такую функцию как **характеристика персонажа**.

Вот-вот. Прекрасно себя чувствовал и – как ты выразился? «Ел смешилки»? Правильно? [6, с. 223]

В вышеприведённом примере Джуффин путает фразеологизм с родины Макса, тем самым создаёт юмористический эффект для носителей

русского языка, поскольку по сюжету Макс – наш земляк. Функционально здесь юмор воплощает идею «даже такой сильный маг может ошибиться», что придаёт персонажу дополнительную ауру «человечности». То есть, помимо социализирующей функции, о которой речь пойдёт ниже, юмор в данном примере берёт на себя функцию «характеристика персонажа».

Стоит отметить, что, во-первых, не всегда, анализируя элемент текста с юмористическим эффектом, можно выделить только одну функцию. Они часто переплетаются, довольно тесно, что, естественно, затрудняет анализ.

А во-вторых, так как повествование в произведении ведётся от первого лица, то есть от лица главного героя по имени Макс, который попал в иной волшебный мир, не всегда просто вычленять исследуемые плоскости «автор–читатель» и «автор–герой».

Появляясь во внутренней речи главного героя, юмор, помимо функции характеристики персонажа, а именно главного героя, берёт на себя **эстетическую** функцию, когда юмористический эффект используется в том числе ради самого эффекта:

Стоит человеку решить, будто он пришёл к согласию с самим собой и окружающим миром, как тут же лучшие друзья начинают делать всё, чтобы лишить его этой сладостной иллюзии. Проверено на живом человеке. На мне то есть [6, с. 219].

Или:

Оклемавшись, я дал зарок обходить «Старую колючку» за дюжину кварталов. Джуффин одобрил моё решение и торжественно зарекся есть суп Отдохновения в моём присутствии [6, с. 226].

Помимо уже упомянутой эстетической, мы встречаем в тексте реализацию **коммуникативной функции** с несколькими подфункциями. Так, например, в диалоге с Меламори Макс начинает шутить, чтобы девушка не чувствовала себя скованно, и на немой вопрос о том, кому приготовлена вторая чашка, отвечает:

— Это – для моей покойной прабабушки, но поскольку она не соблаговолила явиться... В общем, я не серьёзно, а камра остывает [6, с. 230].

В этом примере мы видим реализованную подфункцию «наладить контакт», а в следующем подфункцию «нормализовать обстановку»:

Насладившись всеобщим вниманием, Мелифаро внезапно подпрыгнул и оказался возле меня.

— Я прощён? – невинно спросил он. – Или я недостаточно старался? [6, с. 220]

Тут же можно выделить и подфункцию «издёвка», как противопоставление «свой–чужой»:

— Благодарю вас, сэз! Если бы вы знали, с какими чудовищами мне довелось столкнуться в Городской полиции! Они не предложили даме не только глоточек камры, но даже удобного кресла. Мне пришлось сидеть на каком-то дрянном табурете!

— Представляю, как вы страдались! – Лицо Джуффина выражало искреннее сочувствие [6, с. 267].

Социализирующая функция в данном произведении встречается нам, когда шутка основана на приемлемых для данной группы людей тематике, объектах, когда она является показателем причастности к определённой социальной группе, как например, в следующей реплике:

— Лично я намереваюсь проспаться шутки, леди Меламори, наверное, уже захлебнулась вином под чутким руководством своего дядюшки, а эти двое собираются пугать кошек в деревне. Хорош Тайный Сыск, оплот общественного спокойствия, нечего сказать! [6, с. 280]

В данном случае смысл шутки понятен только близким людям, сотруникам Тайного сыска, а читатель как бы вовлекается в ту же самую группу, так как его вводит в неё автор.

Частотно в конкретном произведении лёгкое подтрунивание, которое как подфункция, на наш взгляд, может быть отнесено к социализирующей функции. Оно разное и составляет как общий портрет героев, так и вырисовывает их отношения, определяя общность, тем самым взяв на себя «социальную функцию» выравнивания по принципу «мы-свои».

Так, например, отношения Мабы Каллоха и Джуффина, с одной стороны можно охарактеризовать как «ученик-учитель», в которых Джуффин занимает явно подчинительную позицию, но, с другой стороны, именно возможность шутить друг над другом и позволяет подчас почувствовать, что Джуффин – равноценный игрок, которого Маба воспринимает всерьёз:

— **Отравитель**, – буркнул Джуффин, отправляя булочку в рот. – Жуй, Макс. **Умирать, так всем вместе** [6, с. 259].

В данном примере Джуффин в шутку называя Мабу «отравителем», демонстрирует дружеские отношения, а затем, продолжая мысль, обращается к Максусу тоже в шутливой форме, показывая тем самым, что они равны.

То же мы наблюдаем и в отношении таких персонажей, как Макс и Джуффин:

— А в-третьих, я готов повторить это в вашем обществе!

— Что именно?

— Поход в «Обжору».

— Не лопнешь, сэр Макс?

— Обижаете [6, с. 221-222].

И в отношении Макса и Мелифаро: В придачу ко всему он вопил так, что уши закладывало:

— Пощади меня, о грозный сэр Макс, изрыгающий смерть из недр огнедышащей пасти! Не отягощай моё существование своими жгучими слюнями, изобильно стекающими на несчастные головы твоих презренных врагов! Я недостоин такой величественной кончины! [6, с. 219]

Мы не встретили в анализируемом тексте элементов диалога с юмористическим эффектом между, например, таким персонажем, как Лонли-Локли, и другими действующими лицами. Это достаточно необычно, так как авторский стиль предполагает всеобщее подтрунивание, но Лонли-Локли не шутит – ещё раз подчеркнём, в конкретном тексте – он абсолютно серьёзен, что согласуется с сюжетной линией.

Нет в этой повести дружеских подтруниваний между Меламори и главным героем, поскольку между ними пока довольно напряжённые и сложные отношения.

В целом для героев данного произведения характерно втягивать других людей в юмористические диалоги – чем больше слушателей, тем лучше.

Сэр Маба Калох произнёс эту фразу с таким неподдельным восторгом, словно долгое отсутствие сэра Джуффина наполняло его жизнь воистину неземной радостью. (1)

— Счастлив видеть тебя, Макс! – он отвесил мне шутовской поклон. – Мог

бы и раньше показать мне это чудо, Джуффин. А его можно потрогать? (2)

— Ну, попробуй. *Насколько мне известно, он не кусается. И не бьётся. Его даже на пол ронять можно.* (3)

— *На пол – это хорошо.* (4)

Маба Калох действительно прикоснулся ко мне указательным пальцем и тут же отдёргнул руку, словно боялся обжечься (5) [6, с. 255].

В данном примере мы наблюдаем скопление элементов текста с юмористическим эффектом, причем с разной направленностью:

- (1) и (5) – монологическая форма, авторская речь/внутренняя речь главного героя, плоскость «автор–читатель», эстетическая функция, функция характеристики персонажа;

- (2), (3) – диалогическая форма, плоскость «герой–герой», социализирующая функция;

- (4) – диалогическая форма, плоскость «герой–герой», эстетическая функция.

Всё это и делает стиль повествования таким ярким и необычным.

Также встречается в произведении функция *саморегуляции*, способность посмотреть на проблему со стороны, или, как в приведённом ниже примере, попытка сдержать отвлечение или даже страх:

— *Это не испытание твоих нервов. Это – удовольствие, потому что у нас есть шанс узнать нечто, чего мы не знали прежде. Выше нос, парень!*

— *Не уверен, что сие сокровенное знание улучшит мой аппетит, – проворчал я* [6, с. 273].

И как возможность выразить усталость:

— *Ты не обидишься, Мелифаро, если я прикончу тебя немного позже? На*

фоне последних событий убийство – слишком банальный поступок. Не хочу прослыть жалким подражателем неизвестного гения [6, с. 265].

Катарсическая функция реализуется в тексте, когда герой смеётся над самим собой, как в ситуации с одним из персонажей в следующем примере:

— *Моя так моя, – вздохнул Джуффин. – Хоть на что-то я, выходит, гожусь. Поехали* [6, с. 241].

Маскировочная функция, при реализации которой, по мнению В.З. Санникова, позволительно высказывать неприличные мысли в завуалированной форме, нам не встретилась. Зато эта функция присутствует в значении «скрыть правду»:

— *Это был мой незаконнорожденный брат! – зловецим шёпотом сообщил я. – И поскольку мы оба претендуем на наследство нашего папеньки – две клячи и курган их навоза, – я просто воспользовался служебным положением и устранил соперника* [6, с. 282].

В данном примере главный герой не может рассказать правду о своём происхождении и предпочитает отшутиться, тем самым и сглаживая углы (коммуникативная функция), и не выдавая всей информации.

Больше всего реплик с юмористическим эффектом у главного героя – 25%, – что позволяет судить о нём, как о человеке незлобном, отходчивом, с лёгким характером. А если учесть элементы текста, произнесённые во внутреннем монологе, то выходит абсолютное большинство – 65%, что неудивительно, ведь по утверждению самого Макса:

«В конце концов смех – это единственный известный мне способ быстро привести себя в чувство». [6, с. 277].

В целом при анализе данного текста мы обнаружили 5 типов функций с подфункциями в плоскости «герой-герой»: эстетическая, социализирующая, коммуникативная, саморегуляции, катарсическая. И две в плоскости «автор-герой»: аттрактивная, характеристика персонажа.

Основная функция юмора в плоскости «герой-герой», которая встречается в рассматриваемом тексте, – социализирующая, находящая отражение в отдельных подфункциях. Основная функция в плоскости «автор-герой» – аттрактивная.

Функционал, то есть то, зачем, с какой целью используется юмор в художественном произведении, служит для переводчика подспорьем в декодировании заложенного автором смысла текста.

Помимо этого, зная частотные функции, как в целом для лингвокультуры, так и в частности для конкретного автора, переводчик в состоянии выбрать нужную для той или иной ситуации стратегию.

В случае если текст не позволяет конкретному переводчику адекватно воспроизвести юмористический эффект, опущение, как применяемый приём, вполне возможен и порой даже обоснован. Но всё зависит от многих факторов, в том числе и от выполняемой в тексте функции юмора. Так, например, при реализации функции саморегуляции приём опущения крайне нежелателен, поскольку может полностью поменять представление читателя о характере персонажа или о ходе развития сюжетной линии.

В целом подобные исследования для юмористического текста имеют большое прикладное значение. Не только в рамках изучения творчества того или иного писателя, но и для выделения общего и частного, для понимания общей системы, зачем автор – в нашем случае, русскоязычный – вставляет отрывок с юмористическим эффектом в художественное произведение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большакова Д.В. Комическое в лингвистике: основные подходы и проблематика исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Выпуск 5 (584). С. 101–111.
2. Копытин А.И. Юмор в искусстве и арт-терапии: феноменология, диагностика, защитно-адаптивные возможности [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 08.11.2015).
3. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 544 с.
5. Сергеева О.А. Функции юмора в педагогической деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2. С. 64–66.
6. Фрай М. Чужак. Москва: АСТ, 2015. 640 с.
7. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994. 426 p.

REFERENCES:

1. Bol'shakova D.V. Komicheskoe v lingvistike: osnovnye podkhody i problematika issledovaniya [Comic in linguistics: main approaches and problems of research] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. no. Vol. 5 (584). pp. 101–111.

2. Kopytin A.I. Yumor v iskusstve i art-terapii: fenomenologiya, diagnostika, zashchitno-adaptivnye vozmozhnosti [Elektronnyi resurs] [Humor in art and art therapy: phenomenology, diagnostics, protective and adaptive capabilities [Electronic resource]] Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. 2012. no. 4 (15) [Medical psychology in Russia: electron. scientific. Phys. 2012. no. 4 (15)]. URL: <http://medpsy.ru> (request date 08.11.2015).
3. Latyshev L.K., Semenov A.L. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya: ucheb. posobie dlya stud. perevod. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Translation: theory, practice and methods of teaching: textbook manual for students of transl. fac-s in the high. proc. institutions]. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2003. 192 p.
4. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-reference book of linguistic terms]. 2nd ed.. M., Prosveshchenie, 1976. 544 p.
5. Sergeeva O.A. Funktsii yumora v pedagogicheskoi deyatel'nosti [The function of humor in teaching activities] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2006. no. 2. pp. 64–66.
6. Frai M. Chuzhak [Stranger]. M., AST, 2015. 640 p. 7. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994. 426 p.
7. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994. 426 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абаева Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: abaevaes@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya Abaeva – candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the departments of English studies and Intercultural Communication in Foreign Languages Institute of Moscow City Teacher Training University; e-mail: abaevaes@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Абаева Е.С. К вопросу о функциях юмора в художественном произведении при проведении предпереводческого анализа текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-8-15

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Abaeva. ON THE ASPECT OF HUMOUR FUNCTIONING IN FICTION IN THE PRE-TRANSLATION TEXT ANALYSIS // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-8-15